

Б. В. АНАНЬИЧ

**ИНОСТРАННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
И ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX В.
(О КНИГЕ ДЖОНА МАККЕЯ ¹)**

Среди появившихся в последние годы в США исследований, посвященных экономическому развитию России в конце XIX—начале XX в., книга Дж. Маккея «Пионеры прибылей. Иностранное предпринимательство и русская индустриализация. 1885—1913» занимает особое место, в частности, потому, что она послужила автору основой для конструирования общего взгляда на роль иностранного предпринимательства в русской истории, начиная с XVII в. и до наших дней.² Уже одно это делает книгу Дж. Маккея заслуживающей специального рассмотрения.

Со второй половины XIX в., когда привлечение иностранных капиталов стало одной из важных сторон экономической политики царского правительства, в русской политической публицистике не утихали споры о роли иностранных капиталовложений и займов в отечественной промышленности и железнодорожном строительстве.³ После Октября 1917 г. в советской историографии эта тема стала предметом острых дискуссий и объектом внима-

¹ Мс К а у J. P. *Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885—1913.* Chicago—London, 1970.

² См.: Мс К а у J. P. *Foreign Enterprise in Russian and Soviet Industry: A Long Term Perspective.* — *Business History Review.* 1974, vol. XLVIII, № 3.

³ См.: Соловьев Ю. Б. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема. — В кн.: *Из истории империализма в России.* М.—Л., 1959, с. 371—388.

тельного изучения,⁴ в первую очередь с точки зрения определения влияния иностранных капиталов на общий процесс экономического развития страны в период монополистического капитализма.⁵

Разработка проблемы иностранных капиталов была связана с изучением архивов промышленных учреждений или банков, сотрудничавших с иностранными предпринимателями, и в редких случаях, ибо они плохо сохранились, фондов, действовавших в России отделений иностранных банков и предприятий.

Между тем Дж. Маккей построил свою книгу в значительной степени на недоступных советскому исследователю документах из архивов французских и бельгийских банков, вкладывавших средства в русскую промышленность.⁶ Эти материалы позволили автору показать механизм деятельности иностранных предпринимателей в России. Дж. Маккей посвятил книгу только иностранному предпринимательству, совершенно исключив из поля своего зрения займы. Он поставил перед собой цель рассмотреть в тесной связи практику инвестирования, осуществлявшуюся в Западной Европе накануне первой мировой войны, роль иностранных капиталов в развитии русской промышленности, наконец, взаимоотношения между иностранными предпринимателями, представлявшими более развитую промышленность Запада, с русским правительством, промышленниками и рабочими.

В книге Дж. Маккея две части. Первая содержит главы аналитического характера, посвященные источникам и типам предпринимательства, предпринимательской стратегии, передовой технологии в добывающей и сталелитейной промышленности, проблемам труда и мобилизации капиталов. Вторая состоит из четырех очерков о деятельности иностранных предприятий в разных отраслях русской промышленности, очерков, дополняющих и иллюстрирующих наблюдения, сделанные в первой части книги.

Итак, уже по замыслу книга Дж. Маккея представляет собой исследование, в котором некоторые общие вопросы о роли иностранных капиталов в развитии русской экономики сочетаются с изучением деятельности отдельных предприятий. Разумеется, основное внимание автора сосредоточено на особенностях экономического развития России и роли иностранных капиталов в развитии русского промышленного производства. Примечательно, что

⁴ См.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. — В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 250—313; Тарновский К. П. Советская историография российского империализма. М., 1964, с. 192—223.

⁵ Бовыкин В. И. К вопросу о роли иностранного капитала в России. — Вестник Московского университета. Серия IX. История, 1964, № 1, с. 61.

⁶ Дж. Маккей пользовался материалами как частных архивов (Липсонского кредита, Объединенного Парижского банка, Национальной учетной конторы в Париже), так и государственных (Национальный архив в Париже, архивы министерств иностранных дел Франции и Бельгии).

Дж. Маккей уже во введении к своей работе пишет о своем несогласии с получившими распространение в американской историографии взглядами А. Гершенкрона и Теодора фон Лауэ на роль государственного вмешательства в промышленное развитие России конца XIX—начала XX столетия.

Дж. Маккей прежде всего относится критически к попыткам А. Гершенкрона представить государственное вмешательство в экономическое развитие страны как единый процесс, начавшийся в России с «реформ Петра Первого и нашедший свое завершение при комиссарах», а само экономическое развитие как «всегда направлявшаяся политической властью ради политических целей». Он не разделяет мнения А. Гершенкрона, будто промышленный подъем 90-х гг. в России был обусловлен исключительно переменой в правительственной политике, основной целью которой было признавать промышленное развитие страны. Дж. Маккей не склонен поддерживать и экстравагантную теорию Т. фон Лауэ, согласно которой экономическая политика русского министра финансов С. Ю. Витте, выступавшего «главным архитектором русской экономической политики в 1890-х годах», предшествовала социалистическому плановому хозяйству, а Россия 90-х гг. XIX в. «стала пионером всех современных опытов в планируемом экономическом развитии».⁷ Полемизируя с А. Гершенкроном и Т. фон Лауэ, Дж. Маккей опирается на книгу И. Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1861—1892 годы» (М., 1960). Дж. Маккей считает, что изменения в экономической политике правительства наметились не в 90-е, а в конце 60-х гг., то есть вскоре после Крымской войны и реформы 1861 г.

Рассматривая вопрос о роли государства в экономическом развитии России во второй половине XIX столетия, Дж. Маккей приходит к выводу, что роль эта находила свое выражение в России в трех формах. Во-первых, русское правительство проводило политику протекционизма, поступая точно так же, как правительства Мелина во Франции или Мак-Кинли в США. Во-вторых, оно принимало активное участие в железнодорожном строительстве, а затем большая часть русских железных дорог была выкуплена казной. В этой сфере экономики России государственное вмешательство, по мнению Дж. Маккея, было наиболее значительным, хотя, как он отмечает, за исключением Великобритании, большинство европейских стран при постройке своей железнодорожной сети также пользовалось государственной поддержкой. В-третьих, государство проводило кампанию в самой России и за границей в пользу промышленного развития страны. Дж. Маккей в оценке государственного вмешательства в экономическое развитие России, по сравнению с А. Гершенкроном или Т. фон Лауэ, стоит на более реалистичной позиции. Он считает, что не следует преувеличивать

⁷ М с К а у J. P. Pioneers for Profit, p. 6.

роль государства в экономическом развитии России конца XIX—начала XX в. и тем более искать аналогии этому явлению в экономике Советской России.⁸

Вместе с тем Дж. Маккей не отрицает весьма значительной роли государственного вмешательства в экономическое развитие России конца XIX—начала XX столетия. В частности, он выделяет правительственную политику привлечения иностранных капиталов, нашедшую свое обоснование в известном докладе 1899 г. министра финансов С. Ю. Витте.⁹ Именно в политике привлечения иностранных капиталов Дж. Маккей склонен видеть «подлинно новаторский эксперимент», осуществленный русским правительством.¹⁰ Успехам и неудачам «эксперимента» автор и посвящает свое исследование. Оценивая этот «эксперимент», Дж. Маккей, — продолжая полемику со своими американскими коллегами, тоже не избегал странных исторических аналогий, заявив, что в промышленном развитии России конца XIX—начала XX столетия можно найти «больше общего» с «современными Пуэрто-Рико или Берегом Слоновой кости, чем с Китаем Мао или Индией Неру».¹¹

Между тем Витте, выступая в середине и в конце 90-х гг. с программой привлечения иностранных капиталов в Россию, ссылаясь на опыт таких стран, как Германия и Соединенные Штаты Америки. Эти аналогии не привлекали внимания автора. Более того, процесс американской индустриализации на протяжении XIX в. рассматривается в книге как явление особого порядка, хотя и происходившее за счет иностранных капиталов, но при очень незначительном иностранном предпринимательстве.¹² В промышленном же развитии России конца 90-х—начала 900-х гг., по мнению Дж. Маккея, иностранное предпринимательство сыграло очень важную роль. Сосредоточив свое внимание на инвестициях и иностранном предпринимательстве, Дж. Маккей подчеркивает, что под термином «иностранный капитал» и в советской, и в дореволюционной русской литературе обычно подразумеваются иностранные инвестиции и что русское правительство особо рассматривало проблему иностранных займов.¹³ В частности, он ссылается и на упомянутый доклад С. Ю. Витте и отмечает, что Витте касался в нем в основном проблемы иностранных инвестиций и совершенно исключил из него иностранные займы. С этой

⁸ МсКау J. P. *Pioneers for Profit*, p. 6—8.

⁹ Доклад этот с обстоятельным предисловием и рядом сопутствовавших ему документов был опубликован И. Ф. Гиндиным (Гиндин И. Ф. *Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX в.* — В кн.: *Материалы по истории СССР*, т. VI. М., 1969, с. 159—222). В переводе на английский язык его опубликовал Теодор фон Лауэ (*Journal of Modern History*, 1954, vol. XXVI, № 1, p. 64—74).

¹⁰ МсКау J. P. *Pioneers for Profit*, p. 2.

¹¹ *Ibid.*, p. 2.

¹² *Ibid.*, p. 16.

¹³ *Ibid.*, p. 12—13.

точкой зрения Дж. Маккея можно согласиться только отчасти. Действительно, в докладе Витте 1899 г. говорилось прежде всего об инвестициях, ибо этот документ не просто представлял собой изложение программы правительственной политики, а преследовал цель добиться отмены ограничений, существовавших для иностранцев в сфере акционерного учредительства. Что же касается заграничных займов, то вопрос об их заключении в 90-е гг. не был объектом разногласий в правящих кругах России и у русского министра финансов не существовало серьезных препятствий для проведения заграничных финансовых операций, если не считать отношения к ним западноевропейских бирж.

Действительно, в докладе 1899 г. Витте подчеркивал, что России необходимы для ее промышленного развития «капиталы, знания и предприимчивость», т. е. он придавал значение проблеме предпринимательства, но прежде всего его интересовали капиталы, ибо без них «нет и знаний, нет и предприимчивости». Его интересовали капиталы как основа предпринимательства.¹⁴ В 1899 г. у Витте не было причин специально касаться в своем докладе проблемы внешних займов, но в 1907 г., в иных политических условиях, когда на пути русского Министерства финансов оказалось такое «препятствие» для заключения государственных займов за границей, как Дума, Витте уже рассматривал в тесной связи иностранные займы и инвестиции как необходимое условие промышленного развития России. «Внешние займы и приток иностранных капиталов, — заявлял Витте в 1907 г., — своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обходиться без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности. Доказательство представляют Германия и Соединенные Штаты Северной Америки, которые 50 лет назад еще считались бедными странами, а теперь стали опасными соперниками для самых богатых стран».¹⁵

Для изучения вопроса об иностранном предпринимательстве и его роли в промышленном развитии России совсем не обязательно касаться истории заграничных займов. Однако при общей оценке роли иностранных капиталов в промышленном развитии России, а Дж. Маккей делает это на основании проведенного им исследования, едва ли можно не принимать во внимание размещение за границей русских ценных бумаг, тем более что значительная их часть представляла собой и промышленные ценности и облигации русских железных дорог.¹⁶

¹⁴ См.: Материалы по истории СССР, т. VI. М., 1959, с. 181—182.

¹⁵ Историю происхождения этой записки Витте см. в кн.: Аналич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970, с. 256—257.

¹⁶ Железнодорожные займы по сведениям на 1 января 1914 г. составляли $\frac{1}{5}$ от общего объема иностранных капиталовложений в русские про-

Итак, Дж. Маккей посвятил свое исследование иностранным инвестициям в русскую промышленность и иностранному предпринимательству и сосредоточил свое внимание на французских, бельгийских и германских капиталовложениях в легкую и тяжелую промышленность России, намеренно оставив в стороне английские капиталы, как связанные с добывающей промышленностью. «Интерес к добывающей промышленности и вывозу сырья свидетельствует о том, что английские капиталовложения были по своему характеру наиболее „колониальными“, — пишет Дж. Маккей. — Это одна из причин, побуждающих рассматривать английское предпринимательство отдельно и в связи с изучением русской нефтяной промышленности.¹⁷ Таким образом, вопрос о роли иностранного предпринимательства в экономическом развитии России рассматривается Дж. Маккеем ограниченно, только на примере деятельности в России представителей французского и бельгийского капиталов (отчасти также немецкого) и в сфере преимущественно тяжелой промышленности. Впрочем, автор считает, что для того, чтобы понять самую суть иностранного предпринимательства в России, надо обратиться именно к деятельности французских и бельгийских капиталистов в горной и металлургической промышленности Юга России в 90-е гг. XIX столетия.¹⁸

Дж. Маккей приходит к выводу, что иностранные инвестиции сыграли очень большую роль в русской экономике кабуна первой мировой войны. В количественном отношении они составляли около 50% капиталов, влившихся в промышленные объединения России между 1893 и 1914 г. Они растворились в русской экономике, а не представляли в ней обособленного явления (за исключением инвестиций в нефтяную промышленность и промышленность, занятую добычей драгоценных металлов) и, наконец, внесли в развитие русской индустрии тот динамизм, которого ему недоставало.¹⁹

Дж. Маккей выделяет три вида иностранного предпринимательства в России после 1885 г.: 1) крупные западноевропейские фирмы, образовавшие свои отделения в России; 2) предпринимчивые (agressive) дельцы, которые зачастую подолгу жили

центные бумаги, в то время как государственные займы — 2/3. Бовкин В. И. К вопросу о роли иностранного капитала в России, с. 61.

¹⁷ Mc Kay у J. P. *Pioneers for Profit*, p. 35. Маккей отмечает, что иностранный капитал составлял, по данным на 1915 г., 60% от общего капитала, помещенного в горную промышленность, металлургию, а также машиностроение, причем существовала известная национальная специализация. Французские и бельгийские капиталы доминировали в сталелитейной промышленности, составляя к 1916—1917 г. 78% всех иностранных инвестиций в этой отрасли. Английские же капиталы играли важную роль в нефтяной и золотодобывающей промышленности. (Mc Kay у J. P. *Pioneers for Profit*, p. 32—35).

¹⁸ *Ibid.*, p. 38.

¹⁹ *Ibid.*, p. 37—38.

в России и в отличие от фирм, создававших свои филиалы в какой-нибудь определенной отрасли, часто принимали участие в самых различных предприятиях: Жюль Гужон, Леон Готье, Этьен де Манзиарли, Фернанд Шматцер; 3) группы предпринимателей, представляющие вместе несколько влиятельных компаний, каждая такая группа объединялась вокруг крупного предпринимателя, банка или даже иностранного промышленного центра.²⁰

Останавливаясь на мотивах, которые побуждали иностранных предпринимателей вкладывать свои средства в русскую промышленность, Дж. Маккей признает, что решающее значение имела возможность получения высоких прибылей, однако тут же спешит возразить против существующих в марксистской литературе представлений, что таковые были обычным явлением и чем-то само собою разумеющимся. Опираясь на данные П. В. Оля, Дж. Маккей утверждает, что средний доход с вложенных в русские предприятия иностранцами капиталов составлял от 4 до 7% и что это якобы опровергает встречающиеся в марксистской литературе рассуждения о «колоссальных барышах» иностранных капиталистов.

К подсчетам П. В. Оля обращается всякий, занимающийся историей иностранного предпринимательства в России, поэтому средние данные о доходах иностранных предпринимателей, приводимые Дж. Маккеем, известны. Вопрос заключается в том, насколько эти средние данные отражают реальное положение вещей в те или иные периоды прилива иностранных капиталов в Россию.²¹ Естественно, что пытавшиеся обосноваться в России иностранцы не только обогащались, но и порою разорялись; естественно также, что размеры обогащения зависели от общей экономической конъюнктуры и целого ряда причин частного характера. Реальное положение вещей, как это ни может показаться на первый взгляд парадоксальным, точнее отражают сведения о доходах и судьбе отдельных предприятий, нежели средние цифры П. В. Оля, основанные на официальных сообщениях о доходах иностранных предприятий. Кстати сказать, в книге приводится довольно много примеров, свидетельствующих о высоких доходах тех или иных иностранных предприятий. Устремлявшиеся в 90-е гг. XIX в. в Россию иностранцы для того, чтобы вложить в русские предприятия свои капиталы, руководствова-

²⁰ Ibid., p. 70.

²¹ Кстати сказать, в советской историографии существуют различные точки зрения на размеры доходов иностранных предпринимателей в России. На основании тех же данных П. В. Оля авторы соответствующих разделов VI тома Истории СССР отмечают, что «наиболее высокие прибыли получали в России не иностранные предприниматели, а русские текстильные магнаты. С 90-х гг. XIX в. до начала первой мировой войны прибыль в текстильной промышленности была намного больше, чем в высокомонополизированной тяжелой» (История СССР, т. VI. М., 1968, с. 294).

лись отнюдь не средними данными о доходах в России, а известиями об ошеломляющих успехах там своих предшественников. Не случайно агент Министерства финансов в Лондоне С. С. Татищев, стараясь привлечь внимание английского Ротшильда к России и русскому рынку, заявлял в 1898 г., что русские промышленные предприятия приносят иностранцам вкладчикам «огромные, неведомые во всей Западной Европе барыши», «небывалые, совершенно невероятные дивиденды в 40, 50 и до 75 процентов».²²

Дж. Маккей связывает приток иностранных капиталов в Россию с политикой, проводившейся по отношению к ним русским правительством, и в частности С. Ю. Витте, видя в этой политике также один из побудительных мотивов для иностранцев к предпринимательской деятельности в России. Этот аргумент автора может быть принят во внимание лишь применительно к событиям середины 90-х гг. и последующим. На протяжении 80-х гг. правительственная политика в отношении иностранных капиталов была гораздо более сдержанной, и тот же Витте только с середины 90-х гг. начал открыто выступать за неограниченное привлечение иностранных капиталов в Россию. Так, в своих рассуждениях о торгово-промышленной политике правительства, относящихся к концу 1893 г., С. Ю. Витте еще сравнительно мало внимания уделял проблеме иностранных капиталов и лишь констатировал, что «вслед за установлением пошлин на ввозимые в Россию продукты происходит переселение в Россию иностранных предпринимателей с иностранными капиталами, иногда рабочими, с иностранным опытом и всей организацией дела, и русская предприимчивость, несмотря на таможенное ограждение от соперничества иностранных производителей, оказывается иногда не в силах одолеть у себя соперничества иностранной предприимчивости».²³

Таким образом, на раннем этапе проникновения иностранных капиталов в Россию правительственная политика едва ли оказывала столь значительное влияние на их прилив, зато именно в этот период, как признает и Дж. Маккей, прибыли были особенно высокими, и именно это стимулировало иностранное предпринимательство. Повышение русским правительством таможенных барьеров сделало более выгодным для иностранных предпринимателей не ввоз промышленных товаров, а их производство в самой России. Дж. Маккей справедливо отмечает, что и в 90-е гг. решающее значение для иностранных предпринимателей имели поступающие из России сведения об успехах действовавших там бизнесменов. В книге приводится отрывок из донесения бельгийского консула в Одессе, который писал в 1894 г., что

²² Апанъич Б. В. Россия и международный капитал, с. 31.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XI, 1893, д. 447, л. 14 об. На этот документ нам любезно указал Л. Е. Шепелев.

«громадный успех некоторых фирм привел в замешательство весь деловой мир. Все теперь стремятся в Россию...».²⁴ Рассматривая доходы иностранных предпринимателей в России, Дж. Маккей пишет, что основным средством их получения была передовая технология, переосваивавшаяся в русскую промышленность из более развитых западноевропейских стран.²⁵ Он утверждает, что иностранное предпринимательство способствовало не только втягиванию в сферу производства неиспользованных ресурсов, но и созданию на Юге России современной промышленности с гораздо более высокой производительностью труда, чем, например, на Урале, передовая технология позволила снизить цены на изделия, производившиеся этой промышленностью, и, наконец, что благодаря развитию металлургической промышленности Россия уже в 90-е гг. почти полностью обеспечила свои внутренние потребности в чугуне.²⁶

Маккей много внимания уделяет в своей книге системе управления, применявшейся западными предпринимателями по отношению к своим дочерним предприятиям в России. Он делит иностранное предпринимательство в России как бы на два периода: первый — устройства (1885—1900 г.) и второй — нормального функционирования (1900—1914 гг.) в годы длительной депрессии (1900—1910 гг.) и крутого подъема (1910—1914 гг.). Высокое жалование, по мнению Маккея, возможность получать дополнительные доходы и быстро сделать карьеру служили достаточной компенсацией иностранцам, работавшим в России, за monotонную жизнь на чужбине. Французский консул в Варшаве писал в 1908 г. о прекрасных условиях, созданных для французских инженеров, работавших на текстильных предприятиях в Польше. Он отмечал, что обычный французский мастер получал там такие же деньги, как во Франции офицер высокого ранга.²⁷ «Нет ничего удивительного в том, — замечает Дж. Маккей, — что в досье общества „Русский Провиданс“ в Объединенном Парижском банке находится много писем, написанных в 1918 и 1919 годах бывшими французскими и бельгийскими служащими, которые были готовы, даже проявляли нетерпение, вернуться на свою старую работу».²⁸

Он почти не касается каких бы то ни было негативных сторон иностранного предпринимательства в России и лишь подчеркивает трудности, с которыми иностранцам приходилось сталки-

²⁴ Мс К а у J. P. *Pioneers for Profit*, p. 83.

²⁵ Маккей неоднократно подчеркивает, что оборудование на иностранных предприятиях на Юге России было столь же современным, как и на предприятиях в Европе. Он указывает в качестве примера на Луганский паровозостроительный завод, основанный в 1896 г. Густавом Гартманом, зятем Круша и личным другом Витте.

²⁶ Мс К а у J. P. *Pioneers for Profit*, p. 137.

²⁷ *Ibid.*, p. 169, 170.

²⁸ *Ibid.*

ваться в России: конфликты с бывшими владельцами предприятий, с крестьянами или крестьянскими общинами, на землях которых строились предприятия или подъездные пути к ним, и, наконец, с заказчиками.

Дж. Маккей признает, что иностранные предприятия в России были подвержены постепенной и неизбежной «русификации». Он находит признаки этого процесса прежде всего в том, что многие фирмы существовали на основе совместного управления иностранцами и русскими предпринимателями. Процесс «русификации» фирм шел очень быстро, особенно если роль иностранцев в них была ограничена еще в самом начале. В качестве примера Дж. Маккей приводит историю Южнорусского общества для выделки и продажи соды и других химических продуктов, являвшегося франко-русским предприятием. Основной завод Южнорусского общества был построен по французским проектам и под наблюдением французов, но когда в 1899 г. строительство было закончено, управляющим был назначен русский инженер и единственным французским служащим, оказывавшим влияние на судьбу предприятия в течение последующих пятнадцати лет был технический директор завода.²⁹ К числу предприятий, подвергшихся быстрой «русификации», автор относит также Южнорусское Днепровское металлургическое общество, Русское паровозостроительное и механическое общество, Анонимное общество золотых приисков в Кочкаре.³⁰

Дж. Маккей отмечает, что иностранные предприниматели были заинтересованы в сотрудничестве с русскими, ибо оно давало возможность установить необходимые связи в правящих сферах и избавляло от ошибок, связанных с плохим знанием условий русской жизни.³¹ К началу XX столетия иностранные фирмы, действовавшие в России, стали чаще приглашать русских инженеров в качестве управляющих или технических директоров заводов, в первую очередь тех из них, которые раньше работали в Западной Европе или получили там образование. Привлечение русского персонала к управлению предприятиями рассматривалось как средство сократить расходы на административный аппарат, которые оказались особенно чувствительными в начале 900-х гг., когда в период кризиса стали сокращаться общие доходы предприятий.³²

Одна из причин, как свидетельствует автор, замены иностранцев-администраторов местными инженерами заключалась во все возрастающей в связи с развитием революционного движения трудности для иностранцев управлять русскими рабочими.³³

²⁹ МсКей J. P. *Pioneers for Profit*, p. 182.

³⁰ *Ibid.*, p. 183.

³¹ *Ibid.*, p. 186.

³² *Ibid.*, p. 189.

³³ *Ibid.*, p. 192—193.

Как далеко зашел процесс «русификации» иностранных предприятий в России к началу первой мировой войны? По данным, приводимым автором, в 23 обществах с преобладанием французских капиталов в 1915 г. работало только 328 французов. В 1908 г. в 5 принадлежавших французам каменноугольных компаниях в Польше, работало около 16 тыс. рабочих и только 30 французских служащих. В эти же годы на 11 принадлежавших французам в Польше заводах работало 10 000 рабочих и 130 французских служащих, из них 54 на сталелитейном и железодельном заводе «Гута Банкова». «Но важно отметить, — пишет Дж. Маккей, — что иностранные предприниматели никогда не стремились к полной русификации и редко вообще ее допускали. Главная причина состояла в том, что они относились к возможности установления полностью русского управления предприятием с такой же неприязнью в 1912 г., как и в 1892 г.»³⁴

Иностранная администрация, и по мнению автора, была в какой-то степени необходима, хотя бы для присмотра за русскими.³⁵

Как видим, Дж. Маккей, хотя и пишет о процессе вытеснения иностранной администрации русскими инженерами, не идеализирует отношений между русскими и иностранными предпринимателями и скорее подчеркивает вынужденный характер этого процесса. К 1914 г., по мнению Дж. Маккея, русский персонал на иностранных предприятиях значительно увеличился, но наряду с этим продолжала оставаться небольшая группа опытных и влиятельных иностранцев, осуществлявших общее руководство предприятиями в России.³⁶ Действительно, процесс «русификации» иностранных предприятий, действовавших в России, носил естественный характер и шел независимо от намерений иностранных предпринимателей.

Дж. Маккей подчеркивает, что иностранные компании, действовавшие в России, отличала высокая способность мобилизации капитала. Структура капитала большинства иностранных фирм, обосновавшихся в России в 90-е гг., была одинаковой и хорошо приспособленной для получения доходов. В подавляющем большинстве фирмы представляли собой акционерные компании, располагавшие тремя видами ценных бумаг: обыкновенными акциями (common stock), учредительскими акциями (founders' shares), долгосрочными облигациями (long-term bonded debt). Такая структура капитала служила иностранным предпринимателям мощным рычагом для извлечения максимально возможных доходов с минимальными затратами.³⁷

³⁴ Ibid., p. 198.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid., p. 200.

³⁷ Ibid., p. 202—205.

Дж. Маккей показывает, что основными вкладчиками капиталов были представители западноевропейской экономической элиты. Среди людей подобного типа Дж. Маккей называет промышленников, группировавшихся вокруг Жана Боннарделя из Лиона. Принадлежавший к этой группе Адольф Грейнер, генеральный директор бельгийской металлургической и металлообрабатывающей фирмы «Джон Кокериль» в Серене, владел в 1903 г. акциями Алмазного каменноугольного металлургического общества на 175 000 франков. Дж. Маккей замечает по этому поводу, что рабочий фирмы Д. Кокериль в Бельгии получал три франка в день, или тысячу франков в год, и, таким образом, инвестиции А. Грейнера в одно только из предприятий в России соответствовали годовому заработку 175 рабочих. Генеральный директор металлургической компании Эсперанс-Лонгдоз (l'Espérance-Longdoz) в Льеже А. Стул (A. Stoul) был держателем акций на 217 000 франков Анонимного общества Тульских доменных печей. Дж. Маккей называет имена многих бельгийских фабрикантов и банкиров, державших значительное количество акций одновременно различных предприятий, действовавших в России.³⁸

Вторым источником поступления капиталов Дж. Маккей считает дерзких и часто неразборчивых в средствах дельцов-спекулянтов, подписывавшихся в момент организации предприятий на большое количество акций, а затем сбывавших их биржевым маклерам или банкирам. Дж. Маккей утверждает, что получившее широкое распространение мнение, будто иностранные предприниматели ввозили капиталы только из Западной Европы, ошибочно, ибо значительное количество их удавалось мобилизовать в самой России. Таким образом, пишет автор, — «сама Россия была третьим важным источником поступления капиталов для иностранных предпринимателей». В новые предприятия в 90-е гг. охотно вкладывали средства иностранные инженеры и управляющие, тратя на это большую часть своих заработков, точно так же поступали русские и поляки, занимавшие высокие посты на иностранных предприятиях в России. Дж. Маккей подчеркивает, что в 90-е гг. значительную часть капиталов иностранные учредители изыскивали в самой России. Он ссылается на пример Донецкого металлургического общества штампования. 30% необходимых для его образования капиталов было мобилизовано бельгийскими предпринимателями в России.³⁹ Мобилизации капиталов в России, по мнению автора, очень способствовали русские банки, и в частности в 90-е гг. Петербургский Международный банк, действовавший в сотрудничестве с французскими и немецкими банками. Дж. Маккей подчеркивает, что в России не столько ощущался недостаток капиталов, сколько известный недостаток предпринимательства. Вместе с тем Дж. Маккей отме-

³⁸ М с К а у J. P. Pioneers for Profit, p. 208—209.

³⁹ Ibid., p. 214.

чает, что русские и иностранные предприниматели и банкиры выступали как заинтересованные партнеры. В пору динамичного иностранного предпринимательства иностранцы внесли в развитие промышленности определенный вклад в виде технического опыта, которого не доставало в России; кроме того, солидная репутация иностранных фирм позволяла привлекать в Западной Европе мелких и пассивно настроенных держателей, ибо имена Крезо, Гартман, Кокериль побуждали рантье открывать свои бумажники. С другой стороны, русские партнеры вносили свой вклад, предоставляя природные ресурсы, получая крупные правительственные заказы, принимая участие в управлении предприятиями и, наконец, вкладывая собственные капиталы.⁴⁰ Дж. Маккей приводит несколько примеров сотрудничества русских и иностранных предпринимателей и банков в организации предприятий и их управлении.

Так, он указывает на сотрудничество немецкого промышленника Густава-Рихарда Гартмана с Адольфом Ротштейном, возглавлявшим Петербургский Международный банк, в Русском обществе машиностроительных заводов Гартмана; князя Белосельского-Белозерского с бельгийскими промышленниками в Южно-Уральском металлургическом обществе.

Дж. Маккей отмечает, что наиболее важным источником поступления капиталов в русскую промышленность была западноевропейская биржа. Он указывает на значительное падение спроса на русские промышленные бумаги к началу 1900-х гг. сравнительно с началом 80-х.

Дж. Маккей специально останавливается на трудностях изыскания оборотного капитала в годы кризиса, а затем депрессии, показывая, что краткосрочный кредит у банков в этот период можно было получить только под 8—10, а то и 12—16%.⁴¹

В оценке притока иностранных капиталов в период предвоенного промышленного подъема автор основывается на взглядах, уже высказывавшихся в советской литературе И. Ф. Гиндиным. В частности, Дж. Маккей подчеркивает возросшую перед войной роль русских банков и то, что они стали каналами, по которым поступали иностранные инвестиции.⁴²

Значительное место в книге Дж. Маккея занимают проблемы найма иностранными предпринимателями рабочей силы и взаимоотношений иностранных предпринимателей с представителями государственной власти и обществом.

Дж. Маккей приходит к заключению, что на Юге России рабочая сила стоила дороже, чем в других районах страны, и ее цена приближалась к европейской. Донецкий шахтер получал накануне русско-японской войны около 3.6 франка в день, в то

⁴⁰ Ibid., p. 216.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., p. 237.

время как шахтер в Бельгии в среднем получал 3.9 франка в день, средний дневной заработок русского рабочего в сталелитейной промышленности на Юге составлял в 1900—1904 гг. около 2 руб., то есть немногим менее того, что получал западноевропейский рабочий. Дешевой на Юге России была только неквалифицированная рабочая сила. Неквалифицированный рабочий получал от 75 коп. до рубля в день, или от 2 до 2.67 франков.⁴³ Рабочая сила в Москве и Петербурге стоила дешевле и была более высокой квалификации, чем на Юге России. Автор подчеркивает также высокую квалификацию прибалтийских рабочих.⁴⁴ Однако, отмечая относительно высокую стоимость рабочей силы на Юге России, Дж. Маккей пишет, что «рабочий в России мог стоить так же дорого, как бельгийский или французский рабочий в Бельгии или Франции, но он всегда стоил дешевле, чем бельгийский или французский рабочий в России». В 90-е гг. на Юге иностранные мастера и высококвалифицированные рабочие сталевары получали от 300 до 350 руб. в месяц.⁴⁵ Однако процесс замены этих категорий рабочих русскими шел довольно медленно. Так, в начале века на сталелитейных предприятиях общества «Русский Провиданс» в 1913 г. из 35 мастеров, получавших от 2 до 3 тыс. руб. в год, только 10 были русские и двое поляки, 16 — бельгийцы и 7 — французы.⁴⁶ Автор показывает, что иностранные предприниматели были заинтересованы в расширении рынка рабочей силы на юге и стремились создавать условия (обучение рабочих, обеспечение их жилищами), которые привлекали бы на предприятия не только местное население, но и рабочих из других районов России.

Дж. Маккей считает, что для успеха иностранного предпринимательства в России большое значение имело покровительство, оказывавшееся ему русской бюрократией, обеспечивавшей рынок и правительственные заказы. Автор отмечает большое значение правительственной поддержки для целого ряда крупнейших иностранных предприятий в машиностроении, металлургической и военной промышленности. Он приводит весьма любопытный пример такого рода сотрудничества, связанного с группой Бопшарделя. В 1897 г. эта группа воспользовалась услугами русских посредников, обеспечивших ей 20-летний контракт на постройку товарных вагонов стоимостью в 280 млн руб. За посредничество группа заплатила 1 млн руб. наличными и 4% комиссионных. «Такой заказ, — замечает автор, — был бы немислим без влияния, взяток и подачек».⁴⁷ Дж. Маккей отмечает совершенно самостоятельную позицию русского правительства по отношению к иностранному капиталу. Он пишет о контроле

⁴³ М с К а у J. P. Pioneers for Profit, p. 251.

⁴⁴ Ibid., p. 251—252.

⁴⁵ Ibid., p. 255.

⁴⁶ Ibid., p. 268.

⁴⁷ Ibid., p. 270.

со стороны государства над поведением иностранных предпринимателей, осуществлявшемся с помощью законодательства и порядков, установленных в экономической сфере в условиях относительно свободной рыночной системы.⁴⁸ Это исключало возможность применения в России для иностранцев методов колониальной эксплуатации. «Доход в России, — пишет Дж. Маккей, — зависел не от способностей к грабежу и вымогательствам, а от уровня предпринимательства. Это помогает объяснить причину того, что международные политические факторы всегда носили второстепенный характер для иностранных предпринимателей. Возникновение основных деловых групп (заинтересованных в России, — Б. А.) предшествовало франко-русскому сближению. Бельгийские бизнесмены не имели иллюзий относительно возможности использовать дипломатическое давление для того, чтобы влиять на русскую администрацию. Немецкие инвестиции в определенные технически развитые отрасли промышленности постоянно возрастали независимо от характера русско-германских отношений. Прилив английских капиталов в нефтяную промышленность в конце 90-х гг. совпал с острыми политическими англо-русскими конфликтами и взаимными публичными обвинениями».⁴⁹

Как видим, Дж. Маккей всячески стремится подчеркнуть независимый от политических событий характер иностранного предпринимательства в России в конце XIX—начале XX в. Система доказательств автора построена на том, что, говоря об иностранных капиталах, он совершенно исключает из своего внимания займы, отсылая читателя к статьям английского исследователя Ольги Крисп и ее подготовленной в 1954 г., но неопубликованной диссертации о финансовом аспекте франко-русского союза. Сославшись в двух словах на то, что, по мнению О. Крисп, финансовое давление Франции на Россию было малозначительным, а в условиях политического союза ответ на вопрос о том, кто более зависим, кредитор или должник, весьма сложен, Дж. Маккей спешит расстаться с этой проблемой, которая уже «распахана», с его точки зрения, «до истощения».⁵⁰

Однако если мы обратимся к истории внешних займов России конца XIX—начала XX столетия, то она несомненно свидетельствует о тесной связи международных финансов с политикой. Действительно, франко-русское финансовое и экономическое сотрудничество предшествовало заключению союза, по оно способствовало политическому сближению и затем явилось одной из важных основ союза. На таких важных этапах обновления франко-русского союза, как 1899 г. или 1906 гг., финансовые

⁴⁸ Ibid., p. 285.

⁴⁹ Ibid., p. 385—386.

⁵⁰ Ibid., p. 275.

отношения играли весьма значительную роль. После 1899 г. франко-русские финансовые отношения оказались связанными с франко-русским военным сотрудничеством в области стратегического железнодорожного строительства. Хорошо известно, что государственный русский 5%-й заем 1906 г. оказал очень большое влияние на определение окончательной внешнеполитической ориентации России.

Отношения с европейскими державами, если и не влияли на приток иностранных капиталов в русскую промышленность, отражались на возможности размещения русских государственных займов за границей. По политическим мотивам для русских государственных займов оказался закрытым Лондонский денежный рынок с конца 90-х гг. и вплоть до 1906 г., когда началось англо-русское сближение. С другой стороны, после 1906 г. для русских государственных займов оказался закрытым берлинский рынок, хотя с банкирским домом Мендельсона русское министерство финансов продолжало поддерживать тесные отношения и размещало в Германии до 1913 г. гарантированные правительством железнодорожные займы.

Финансовые осложнения с Лондоном и Берлином только теснее связывали Россию с парижской биржей. Это создало условия, при которых французское правительство считало возможным требовать всякого рода преимуществ для французских промышленников, действовавших в России. С конца 90-х гг. вопрос о займах самым тесным образом оказался связанным с проблемой промышленных заказов на французских предприятиях. На этой почве возникали постоянные конфликты между французским и русским министерствами финансов, в ходе которых русское правительство бывало вынуждено порою идти на уступки. Насколько тесно оказывались связанными проблемы займов и инвестиций, хорошо показано И. Ф. Гиндиным и В. И. Бовыкиным в статьях, посвященных операциям французских предпринимателей в России в канун первой мировой войны.⁵¹

В советской историографии вовсе не отрицается, что «перенесение уже сложившегося на Западе машинного производства и технического опыта» имело немаловажное значение «для ускорения концентрации производства в России, стране позднего развития капитализма», и что, наконец, еще в 90-е гг. «при помощи иностранного капитала и активной государственной поддержке тяжелая промышленность Юга выросла сразу в виде крупных, передовых для того времени предприятий».⁵²

⁵¹ Гиндин И. Ф. Коммерция и политика. (Из истории франко-русских взаимоотношений 1912—1913 годов). — В кн.: Французский ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 237—257; Бовыкин В. И. Из истории проникновения иностранного капитала в Россию («Пермское дело»). — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1968, № 1, с. 66—73.

⁵² История СССР, т. VI. М., 1968, с. 278.

Однако в книге Дж. Маккея эти процессы представлены односторонне. Автора (он опирается на учение известного буржуазного экономиста Иосифа Шумпетера) в первую очередь интересует высокая способность капитализма к развитию экономики, то есть то, что Шумпетер называет «цивилизацией капитализма».

Отрывая деловое предпринимательство от политики, не останавливаясь на его теневых сторонах, утверждая, что иностранные капиталы несли с собой в русскую промышленность только высокую производительность и новую технологию,⁵³ Дж. Маккей рисует несомненно идеализированную картину предпринимательской деятельности иностранцев в России в конце XIX—начале XX в.

⁵³ В исторической литературе известны примеры прямо противоположного свойства. Как показал, в частности, В. С. Дякин, накануне первой мировой войны «германские концерны сознательно тормозили развитие производства в России. Так, берлинское общество „Сименс—Гальско“ не только передавало русскому обществу далеко не все свои технические усовершенствования, но даже не допускало приезжавших из России техников в ряд своих отделов. Так же поступало и руководство АЭГ, которое передавало ВКЭ (Всеобщей компании электричества, — *red.*) устарелые образцы прожекторов, когда само уже располагало усовершенствованными образцами. То же самое имело место и с электрооборудованием для русского военно-морского флота. Правление АЭГ запретило также ВКЭ налаживать в России производство электроламп, предпочитая ввозить их из Германии по вздутым ценам. На заводах АЭГ и Сименса в России не было конструкторских бюро и лабораторий. Все расчеты и чертежи доставлялись из Германии и подлежали слепому копированию. Это делалось для того, чтобы воспрепятствовать созданию в России научно-технических кадров в области электротехники» (Дякин В. С. Германские капиталы в России. Л., 1971, с. 258).